

а только нѣкоторыхъ лицъ, толкуется всегда въ ограничительномъ смыслѣ, а потому логически еще вовсе не слѣдуетъ, что привилегія русскому дворянству относится и къ дворянамъ русскимъ польскаго происхожденія; иначе, почему бы не распространить ее на дворянъ іерусалимскихъ". Нужно было особое искусство, чтобы соединить въ немногихъ строкахъ столько софизмовъ и противорѣчій. Привилегія опредѣляется какъ законъ исключительный, частный, касающійся только нѣкоторыхъ лицъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ привилегіей признается уставъ дворянскаго банка, относящійся къ цѣлому сословию, т.-е. конечно къ чему-то несравненно большому, чѣмъ совокупность „нѣкоторыхъ лицъ". Изъ „русскаго дворянства" выдѣляются „русскіе дворяне польскаго происхожденія", какъ будто дворянство, въ государственныхъ актахъ, называлось „россійскимъ" по происхожденію, по національности, а не по принадлежности къ русскому государственному строю. На одинъ рядъ съ русскими дворянами польскаго происхожденія ставятся, наконецъ, „іерусалимскіе дворяне", т.-е. евреи, какъ будто бы прозвище и офиціальное званіе—одно и то же. Нѣтъ, что бы ни говорилъ „Виленскій Вѣстникъ", уставъ дворянскаго земельного банка несомнѣнно примѣнимъ къ „русскимъ дворянамъ польскаго происхожденія", тѣмъ болѣе, что въ самомъ уставѣ прямо указаны мѣстности, не подходящія подъ его дѣйствіе (Финляндія, царство польское, прибалтійскія губерніи). Другой вопросъ—слѣдуетъ ли измѣнить только-что изданный уставъ въ законодательномъ порядкѣ, оговоривъ, что ссудами изъ дворянскаго банка не могутъ пользоваться поляки-землевладѣльцы западныхъ губерній. Не споримъ, такая оговорка будетъ соответствовать духу законовъ 10 декабря 1865 и 27 декабря 1884 г.—но будетъ ли она согласна съ духомъ самого устава дворянскаго земельного банка? Дворянство западныхъ губерній составляетъ одно цѣлое съ дворянствомъ великороссійскимъ, управляется тѣми же законами, пользуется тѣми же льготами (чего никакъ нельзя сказать о дворянствѣ остзейскихъ губерній и царства польскаго, имѣющемъ, притомъ свои особые земельные банки); объявить его непричастнымъ къ одному изъ общедворянскихъ правъ не совсѣмъ легко, въ особенности разъ что это не было сдѣлано при самомъ изданіи устава дворянскаго банка. Дилемма, неожиданно ставшая на пути примѣненія новаго закона, бесспорно принадлежитъ къ числу неудобныхъ, — но это неудобство прямо вытекаетъ изъ сословнаго мачала, во имя котораго учрежденъ дворянскій земельный банкъ.